

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44
Ц99

Qian Julie Wang
BEAUTIFUL COUNTRY
Copyright © 2021 by GLADIO FORTIOR, LLC

Цянь Джули Ван.

Ц99 Прекрасная страна. Всегда лги, что родилась здесь / Цянь Джули Ван ; [перевод с английского Э. Мельник]. — Москва : Эксмо, 2023. — 416 с.

ISBN 978-5-04-165774-1

Цянь Джули Ван приехала в Америку, когда ей было семь лет, — отцу пришлось покинуть Китай, чтобы избежать ареста за выступления против правительства. Они жили без документов нелегально, в постоянном страхе депортации. Отец, профессор английского языка, теперь трудился на простых работах, а мать, профессор математики, — в потогонных цехах, часто вместе с Цянь. Ксенофобия американцев, постоянный страх и беспросветная бедность превратили некогда успешных преподавателей в беззащитных, издерганных, полных отчаяния людей. Мир маленькой девочки рухнул: дома ссоры между родителями, в школе — издевательства и насмешки учеников и учителей. Единственной отдушиной Цянь стала библиотека, где она учила язык, читала книги и мечтала о том, что когда-нибудь вырвется из этого ада.

УДК 821.111-94(73)
ББК 84(7Сое)-44

ISBN 978-5-04-165774-1

© Мельник Э., перевод на русский язык, 2023
© Оформление. ООО «Издательство «Эксмо», 2023

Посвящается всем тем, кто остается в тени.

*Да настанет день,
когда у вас не будет причин
бояться света.*

Дом — вечно юная страна, в которой лишь один живой и настоящий житель: ребенок. Все прочее — родители, соседи, братья-сестры — таинственные призраки, которые приходят и уходят, и творят непостижимые и странные дела с самим ребенком и вокруг ребенка, единственного истинного гражданина этой страны.

Майя Анджелу «Письмо к моей дочери»

СОДЕРЖАНИЕ

Как это началось	13
Глава 0. Дом	19
Глава 1. Взлет	21
Глава 2. Танцы и тени	29
Глава 3. Вторая группа	45
Глава 4. Прекрасная страна	57
Глава 5. Шелк	71
Глава 6. Носительница языка	89
Глава 7. Пельмени	111
Глава 8. Суши	127
Глава 9. Огни	141
Глава 10. «Четэм-Сквер»	155
Глава 11. Волосы	161
Глава 12. День шопинга	173
Глава 13. «Макдоналдс»	181
Глава 14. Ночевка	195
Глава 15. Уловки	205
Глава 16. Твердая почва	213
Глава 17. Тетушка Любовь	221
Глава 18. Нормальность	235
Глава 19. Мэрилин	247
Глава 20. Граффити	259

Глава 21. Джули	267
Глава 22. Больница	283
Глава 23. Матери	295
Глава 24. Операция	311
Глава 25. Одаренная	323
Глава 26. Выпускной	337
Глава 27. Тамагочи	345
Глава 28. Сообщество	361
Глава 29. Отъезд	375
Глава 30. Дом	385
Как это начинается	389
<i>Выражение признательности</i>	399
<i>Об авторе</i>	407
<i>Приложение</i>	409

КАК ЭТО НАЧАЛОСЬ

Моя история начинается за десятки лет до моего рождения.

В самом раннем воспоминании отца ему четыре года, он стреляет из игрушечного ружья по ближайшим птичкам, вприпрыжку мчится к городской площади. И там останавливается как вкопанный, пораженный видом странных раскачивающихся предметов, не сразу понимая, что это такое: двое мужчин висят на мощном витиеватом дереве.

Он медленно подбирается, проталкиваясь сквозь лес колен взрослых людей, окруживших дерево. В душном летнем воздухе комары и мухи роями вьются вокруг висящих трупов. Вонь разлагающейся плоти ударяет в нос.

Он видит на голой земле один-единственный иероглиф, выведенный кровью:

冤

Безвинно осужденные.

На дворе 1966 год, и китайская культурная революция только-только началась. Следующее десятилетие ознаменовалось беспрецедентными потрясениями — даже для страны,

отмеченной легендарно бурной историей. И по сей день истинное число жертв не обнародовано и, хуже того, неизвестно.

* * *

Три года спустя мой отец, уже семилетний, смотрел, как его старшего брата арестовывают. За несколько недель до этого мой дядя, которому не было и двадцати, письменно раскритиковал Мао Цзэдуна за то, что он манипулирует невинными гражданами Китая, стравливая их друг с другом, исключительно ради централизации своей власти. Мой дядя — наивно, героически, глупо — подписал это сочинение собственным именем и распространял его.

Поэтому никакого высшего образования ему не досталось — только голод и пытки за тюремными стенами.

С того дня детство моего отца закончилось: прилюдные избиения родителей у него на глазах перемежались с его собственными унижениями в школе, где отпрыска «врагов народа» каждое утро заставляли вставать перед всем классом, и учителя вместе с одноклассниками поносили его и его «изменническую семейку». Вне школы что взрослые, что дети не упускали случая швырнуть в него камнем, окатышем, дерьмом. Забыты были почести, которые воздавали его деду, чье хитроумное посредничество помогло защитить их городок от мародерства и насилия во времена японской оккупации. Исчезли со двора гости семьи Ван, которые приходили к его отцу за каллиграфией. С того дня все, что ему осталось, — смотреть на покрытое синяками лицо матери. На безмолвные, стоические слезы отца. Слушать горестные возгласы его четырех сестер, когда «красные стражи» — хунвейбины разоряли их и так уже разоренный дом. Именно на этом фоне зачинались истоки моей семьи.

История моей матери пропитана не меньшей болью. Она родилась в семье, тесно связанной с правящим режимом, но даже власти отца было недостаточно, чтобы оградить ее от смуты и сексизма того времени. Мама выросла в сотне миль от моего отца, и тяготы их жизни были одновременно и похожи, и далеки как земля и небо.

Полвека спустя, уже после переезда на другую сторону земного шара, мне потребовалось медленное и трудное погружение в прошлое, чтобы увидеть, что нить травмы была вплетена в самую ткань моей семьи.

* * *

Двадцать девятого июля 1994 года я прибыла в аэропорт имени Джона Фицджеральда Кеннеди по визе, срок действия которой истек слишком быстро. За пять дней до этого мне исполнилось семь лет — в том же возрасте мой отец начал свою ежедневную борьбу со стыдом. Следующие пять лет в Нью-Йорке нам с родителями предстояло провести, скрываясь в тени, голодая и надрываясь на черной работе, без прав, без медицинской помощи, без надежды на легализацию. Китайцы называют жизнь без документов словом хэй — пребывание во тьме, затемненность. И не зря, ибо мы провели эти годы под покровом тьмы, силясь сохранить надежду и достоинство.

Память человеческая отличается непостоянством, но я стремилась документировать бездокументные годы моей семьи, и, если не считать имен и определенных личных подробностей — которые изменены из уважения к частной жизни других людей, — события излагаются здесь максимально правдиво и искренне. Жаль, что я не могу отдать должное детству отца, ибо оно отмечено таким отчаянием, какого мне никогда не узнать.

В какой-то мере желание рассказать обо всем всегда жило во мне, но дело сдвинулось с места только после выборов 2016 года. Впервые неуклюже я попробовала этот проект на зуб, когда училась в колледже, задумав написать книгу и не понимая, что невозможно найти точный ракурс для изображения все еще гноящейся раны.

Окончив Йельскую школу права (где оказалась совершенно не ко двору), я работала помощницей судьи федерального суда апелляционной инстанции, которая привила мне — превзойдя мои самые большие, самые идеалистические надежды — твердую веру в правосудие. Весь год я наблюдала, как администрация Обамы пыталась угодить и нашим и вашим, выступая в защиту отложенных мер для «мечтателей»^{*} и одновременно проводя беспрецедентное число депортаций. К тому времени как дела иммигрантов добирались до нашего апелляционного суда, моя судья часто уже очень мало что могла сделать.

В мае 2016 года, чуточку не дотянув до юбилейных восьми тысяч дней после прибытия на землю Нью-Йорка, единственное место, которое мое сердце и дух могут назвать домом, я наконец стала гражданкой Соединенных Штатов. Мой путь к гражданству был трудным до самого конца: тропический ливень сопровождал меня в дороге по Нижнему Манхэттену к зданию федерального суда, где я принесла присягу. Я не взяла с собой никого, даже родителей.

Впрочем, до ливня мне не было никакого дела. Я с радостью упивалась одиночеством, по моему лицу текла дождевая вода вперемешку со слезами счастья. В конце церемонии записанный на видео президент Обама поприветствовал меня

^{*} От «американской мечты»: речь идет о детях нелегальных иммигрантов, которым позволяли избежать депортации и получить разрешение на работу. — *Здесь и далее примечание переводчика, если не указано иное.*

как соотечественницу-американку, и тут до меня дошло, что, хотя я попала сюда десятилетия назад, меня еще никогда не признавали американкой.

Шесть месяцев спустя я проснулась в мрачном и трагичном Нью-Йорке, скорбевшем по нации, которая предпочла избрать президента, движимого ксенофобией и нетерпимостью. Именно тогда я решила дать волю воспоминаниям и высказаться. Глядя стыду и сомнениям прямо в лицо, я предприняла повторную попытку реализовать этот проект и вновь опустила пальцы на клавиатуру.

Я излагаю эти события в письменной форме ради себя и своей семьи и не в последнюю очередь — ради моего дяди, нашего героя, которому не досталось почестей. Я также пишу это для американцев и иммигрантов везде, где бы они ни были. От душевной боли одного иммигранта до душевной боли другого всегда рукой подать.

Однако прежде всего я изливаю пережитое на бумагу ради забытых детей этой страны, прошлых и нынешних, которые растут окутанными страхом и безнадежностью, убежденными в том, что само их существование неправильно, само их бытие противозаконно. Мне безмерно повезло. Но я мечтаю о том дне, когда для признания человека человеком не потребуется благосклонность удачи, когда это будет правом, а не привилегией. И я мечтаю о том дне, когда у каждого из нас не останется никаких причин бояться выйти из тени.

Всякий раз, когда в темные годы моей семьи наступала по-настоящему черная полоса, я вслух мечтала о том, как вырасту и запишу наши истории, чтобы другие люди, подобные нам, знали, что они не одиноки, что они тоже могут выжить. И тогда мать напоминала мне, что все неприятности временны:

Благодаря своему умению писать, Цянь-Цянь, ты сможешь делать что угодно.

Когда-нибудь у тебя будет достаточно еды.

Когда-нибудь у тебя будет все.

Да осветит наш путь эта живучая надежда!